

ЕКАТЕРИНА НЕВОЛИНА

ЛОВЕЦ ТЕНЕЙ

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Москва
T8 RUGRAM
2020

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Н40

Неволина, Е.А.

Н40 Похитители древностей. Ловец теней/ Е.А. Неволина. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 232 с. — (Проза Екатерины Неволиной).

ISBN 978-5-517-03222-5

Много легенд ходит о знаменитом ученом Якове Брюсе. Ближайший советник Петра прославился своей ученостью, но говорят, что по ночам Яков Брюс творил черное колдовство, превращал людей в железных птиц и сговаривался с самим нечистым. Проверить правдивость слухов придется отважной команде охотников за артефактами, ведь их новая цель — магический «Брюсов календарь». Тут Яну Белорецкому и карты в руки. Но дело Якова Брюса неожиданно начинает влиять и на события, происходящие в нынешнем времени, за спиной Яна возникает тень из его собственного прошлого, а еще молодого мага ждет искушение, противостоять которому он едва ли в силах...

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-03222-5

© Неволина Е. А., 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

Ночь спускалась на усадьбу, на господский дом, каменный, в европейском стиле, с причудливыми масками на стенах, на крытые тесом крыши хозяйственных построек, на небольшие уютные флигели... Случайный путник, оказавшись он в усадьбе, несомненно, удивился бы царящей вокруг тишине. Не доносилось голосов из людской, не ворочалась в хлеву скотина, не брехали собаки. Лишь робкий огонек свечи мелькнул за большими окнами господского дома, да не по-апрельски холодный ветер шуршал листвою в саду.

Старик, спускавшийся по лестнице со свечой в руке, выглядел неплохо для своих лет. Длинные седые волосы падали на плечи, суровое морщинистое лицо оживляли умные, внимательные глаза.

— Михаил, Михаил, — окликнул он кого-то хриловатым, но еще сильным голосом.

Вскоре на зов появился мужчина средних лет, с окладистой черной бородой, он поклонился старику в пояс.

— Ваша светлость, граф Яков Вилимович, чего изволите?

— Михаил, где все? Отчего так пусто? — спросил старик.

— Так это, ваша светлость, уехали все.

— Уехали? Куда?!

— Никиту, конюха, да Ваську с Афанасием, да ключницу вы сами изволили отпустить к родне.

— Не припоминаю такого, — сухо сказал старик.

— Так как же, едва голову от реторты¹ подняв, сказать изволили: «Пусть едут куда хотят, не мешай мне. И не беспокой больше по пустякам».

— А прочая прислуга? Или ты их сам отпустил?! — В голосе старика зазвучали стальные нотки.

— Как можно, ваша светлость? Они... — бородач замялся.

— Сбежали?! — закричал граф. — Немедля пошли к Никите Андреевичу², пусть отправит драгун и сыщет беглых! Да что за блажь такая на них нашла?!

— От страха, ваша светлость, пока вы в ла-лаборатории, — мужик тщательно выговорил непривычное слово, — опыты производили, великий страх на людей напал. Грохотало там у вас, и серой пахло, и мерещилось всякое. Вот людишки и побежали. Только я да Мария ваша остались. Позвать ее?

— Позови да принеси что-нибудь поесть. А потом мне понадобится твоя помощь.

Сдавленный крик слуги заставил графа круто развернуться. На лестнице, откуда он спустился, виднелась чья-то черная фигура. Тонкая, несуразная, какая-то нечеловеческая. Вместо половины лица у пришельца была тьма.

— С нами крестная сила, с нами крестная сила, — забормотал Михаил, неистово крестясь.

Старик поднял руку и быстро произнес непонятную фразу. Слуга разобрал только: *Vade retro, creatura*³.

По комнате прошелся леденящий порыв ветра, и непонятный пришелец исчез.

¹ Круглая стеклянная колба с длинным носиком, применяется для химических (и алхимических) опытов.

² Оболдуев Никита Андреевич — в то время глава московской полиции.

³ Изыди, создание (лат.).

Откуда-то из бокового коридора послышался громкий стук и цоканье, в круг света выбежала маленькая пушистая собачка. Трудно было поверить, что такое небольшое создание может производить столько шума. Старик ласково взял собачку на руки и направился к глубокому парадному креслу.

— Ну иди же, позови Марию, — произнес он утомленным голосом, адресуясь к еще стоящему в дверях слуге.

— Да, господин граф...

Граф прикрыл глаза, но уже через минуту в комнате послышались легкие шаги.

Вбежавшая девушка казалась лучиком света — тоненькая, удивительно юная и прекрасная, она так же нелепо смотрелась в этой мрачной, заставленной тяжелой старомодной мебелью комнате, как легкая яркая бабочка, пришпиленная к черной бархатной подушке.

— Подойди ко мне, дитя мое, — проговорил старик, не отрывая глаз.

Девушка скользнула к креслу и опустилась перед ним на колени, обнимая ноги графа. Он ласково потрепал ее по волосам.

— Любишь ли ты меня? — спросил старец.

— Больше света люблю! — откликнулась девушка. В ее огромных распахнутых глазах и вправду сияла любовь.

Яков Вилимович наконец взглянул на нее, приподнял подбородок девушки. На фоне ее юной кожи его рука казалась рукой мумии — мертвенная желтизна с коричневыми старческими пятнами выглядела еще неестественней, еще отвратительнее. Однако девушка, видимо, не замечала всего этого и по-прежнему смотрела на старика с неприкрытым обожанием, однако сам он, заметив этот контраст, чуть заметно поморщился.

— Это тело уже никуда не годится, — пробормотал он, — но ничего, скоро, уже совсем скоро я его сменю... Будешь ли ты верна мне по-прежнему?

— Буду, мой господин! — Девушка поднесла к губам его руку и принялась покрывать ее поцелуями. — Я не оставлю вас, даже если вы сами будете гнать меня прочь! Что бы ни случилось!

Собачка, по-прежнему сидящая на коленях у графа, твякнула, словно подтверждая своим свидетельством горячую клятву.

— Я знаю, Мария! Ты славная девушка. Ну, поцелуй меня и ступай!

Нежные девичьи губы коснулись стариковского рта. В этот миг по комнате прошелся легкий ветерок, и даже старые тяжелые портьеры дрогнули, словно от отвращения.

— Уже скоро... — прошептал граф вслед уходящей девушке и снова закрыл глаза. Нужный час еще не пробил, значит, можно немного подремать.

Ночь окончательно вступила в свои права, когда граф спустился в подвал усадьбы. За ним Михаил, пыхтя и обливаясь потом, вез на тачке большой, размером с человека, дощатый ящик. Старик подошел к сырой кирпичной стене и, мурлыкая себе под нос что-то, напоминавшее детскую считалочку, нажал не несколько кирпичей в определенном порядке. Кусок стены бесшумно отошел в сторону. Пройдя через потайной проход, слуга и граф оказались в небольшом сводчатом помещении. Зажженный Михаилом факел осветил реторты и перегонные кубы, загадочные знаки на стенах и на полу, корешки многочисленных книг, стоявших на полках. Взгляд слуги случайно упал на одну из них. «Лемегетон Клавикула Соломонис»¹, — прочитал он. Хозяин научил его разбирать латинские буквы, но не понимать смысл написанного. И то хорошо, душа целее будет.

— Поставь ящик туда, за круг, да осторожнее, не задень лишний, — приказал граф.

¹ Lemegeton Clavicula Salomonis — «Малый Ключ Соломона», магический трактат по демонологии.

В ящике лежала металлическая, в рост человека фигура. Руки и ноги оказались снабжены искусно сделанными шарнирами, позволявшими им сгибаться, лицо заменяла тонкой работы расписанная фаянсовая маска.

— Батюшки, ваша светлость, так это же вы, — ахнул Михаил, переводя взгляд с маски на оригинал.

Старик довольно усмехнулся.

— Ты долго и верно служил мне и достоин награды, но сейчас должен помочь в очень важном, возможно, самом важном из моих опытов. Я стар, и тело мое одряхлело, — граф резко взмахнул рукой, прервав заверения Михаила, что господину еще сто лет жить, и продолжил: — Мне нужно новое, более совершенное тело, и вот, посмотри, оно совершенно, оно не боится ни огня, ни железа, ни старости. Дело за малым, перенести туда мой разум, мой дух, душу, если угодно.

— Батюшка граф, Яков Вилимович, — ноги у слуги подкосились, — да разве можно такое?! Только в Господней воле вложить душу в тело! А тут — болван железный!

— Пустое, Господь здесь ни при чем, и думаю, он не станет возражать, а я не буду беспокоить его понапрасну, — уверенно возразил граф. — Без сомнения, сей опыт окажется успешен.

Старик поднял массивную стальную пластину, закрывавшую грудь статуи. Под ней обнаружилась скважина с небольшим ключом в ней.

— Поутру ты должен прийти сюда и повернуть этот ключ семь раз вправо, — продолжил граф. — Даже когда мой дух окажется в сем теле, необходим, так сказать, первичный толчок, чтобы оно ожило. Ты ведь и вправду хочешь, чтобы я здравствовал сто лет? — И он испытующе посмотрел на слугу.

Под пристальным взглядом не по-старчески ярких глаз высокий бородач как будто даже уменьшился ростом.

— Ваша светлость, не губите душу свою, — начал он жалобно, но осекся, видя, как глаза господина наливаются гневом. — Все сделаю, все исполню. — Он истово перекрестился.

— Знай, — спокойно продолжал граф, — я делаю не для себя, но для державы Российской, она нуждается в моих знаниях, в моем опыте. Чтобы не погибло дело великого государя нашего Петра, ведь немало таких, кто спит и видит, чтобы вернуть все, как было. Отменить его порядки, закрыть школы, вернуть Россию на старый путь. Поклянись, что сделаешь, как я велю.

После клятвы граф улыбнулся.

— Я намерен войти в новую жизнь в надлежащем виде, а ну-ка неси мой лучший камзол и парадную шпагу.

Когда истукан был соответствующим образом наряжен, граф придирчиво его осмотрел.

— Вот погляди, достойный образ мой! На шее — орден апостола Андрея Первозванного за заслуги перед отечеством, Петром Великим мне дарованный, шпага на боку, ведь я немало воевал за него, да! Фигура сия — искуснейший плод научных знаний и умений, ведь я весьма учен.

Он еще раз оглядел истукана и, взяв с одного из столов толстую тетрадь, вложил ее в металлическую руку, словно добавил последний штрих.

— А вот величайшее творение мое! Календарь, вместилище знаний тайных, что несведущие люди колдовством называют.

Михаил знал, что хозяин иной раз любит поговорить, и ему нравилось слушать его ученые речи, стараясь почерпнуть из них капельку мудрости и для себя, но сейчас его прошибал холодный пот при мысли о том, что граф собирается сделать. «Великий грех! Как быть, погубить душу свою или предать графа?» Он сиротой был взят в дом его светлости и не видел от хозяина ничего, кроме добра. Старался верно служить ему, экономно управлял помещьем, но способен ли он на такое неслыханное дело, попирающее не только человеческие, но и божеские законы?

Занятый каждый своими мыслями, ни граф, ни слуга не заметили, как почти невидимая в темноте женская фигура остановилась у входа в лабораторию, внимательно прислушиваясь к словам графа.

Оставшись один, старик достал из шкафчика исчерченные непонятными узорами свечи, зажег их и установил по углам причудливой звезды, начерченной на полу. Воздев руки вверх, он начал читать заклинание, медленно и тщательно выговаривая слова.

При первых звуках заклинания дом застонал, заворочался, маски на стенах изменили свое выражение — грусть сменилась яростью, радость — издевательским хохотом. Воздух вокруг дома сгустился, как будто отгораживая его от остального мира, изо всех углов, из темных коридоров послышались странные голоса, пугающие и притягательные одновременно. Под странными углами изогнулись лестницы, ведущие, казалось, в никуда. А в центре звезды оказалась странная фигура. Она напоминала сгусток мрака, клубок непроглядно темного дыма.

Граф близоруко прищурился, и ему показалось, что в глубине странного создания он видит всполохи яростного пламени, слышит истошный вой тысяч сгорающих заживо людей. От фигуры отделились дымные щупальца, потянулись к краям звезды и отдернулись, как будто обожженные. Наваждение пропало.

— Нечистый дух! — сказал граф твердо. — Я призвал тебя сюда, чтобы ты исполнил мое желание. Иначе ты навсегда останешься здесь и будешь жестоко страдать.

Откуда-то из бесконечного далека до него донесся шипящий, полный ненависти голос:

— Я слуш-ш-шаю твою волю.

— Я желаю, — начал граф. Он тщательно и подробно изложил, чего хочет, оговорил условия, чтобы разгневанный демон не смог, освободившись, напасть на него или его близким. —

А теперь, — закончил он, — перенеси мою душу в сие прекрасное вместилище, и он простер руку в направлении истукана.

Беззвучный удар сотряс комнату. Со звоном лопнули реторты. Ветер, неизвестно откуда взявшийся под землей, рванул пламя свечей, сбросил со стола бумаги. Граф, покачнувшись, упал навзничь, а тетрадь выпала из металлической руки истукана и зашелестела страницами.

— Ты! Обманул! Меня! — разнесся по комнате полный отчаянья голос. — Я велел тебе переместить меня в статую.

— Отнюдь! — второй собеседник хихикнул. — Недавно, когда я совершенно случайно пробежал мимо, я слышал, как ты назвал эту тетрадь вместилищем. Так что *de jure*¹ я выполнил твою волю и теперь свободен. Наслаждайся своей вечностью. — И темная фигура исчезла из центра звезды.

Наутро Михаил, бледный как смерть, прокрался в лабораторию. Вздрогнул, увидев лежащее тело, но все же подошел к статуе, быстро перекрестился, семь раз повернул ключ и выжидательно уставился на ее расписное лицо.

Прошел час и другой. Луч солнца проскользнул через потайное отверстие и осветил лежащую на полу тетрадь, чьи страницы покрывали причудливые фигуры.

— Ах ваша светлость, да смилуется Господь над вашей душой, — вздохнул слуга и, подойдя к лежащему на полу телу, закрыл мертвецу глаза.

Поздно ночью он вывез железную статую за пределы усадьбы и похоронил ее на кладбище церкви села Пречистое. Предстояли важные дела, следовало немедленно известить власти о кончине его светлости, графа и генерал-фельдмаршала, ученейшего Якова Вилимовича Брюса.

¹ *De jure* — по закону, употребляется также в значении буквально, дословно (лат.).